

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Погребеніе проф. П. И. Цвѣткова.

Раво утромъ 1-го февраля 1914 г. распространилась по Академіи вѣсть о смерти ея почетнаго члена и заслуженнаго профессора Петра Ивановича Цвѣткова. О тяжелой болѣзни профессора знали давно, но не ждали столь скорой его кончины и потому вѣсть объ его смерти явилась въ Академіи довольно неожиданной. Скоро въ домѣ почившаго собрались члены академической корпораціи и Преосвященнымъ ректоромъ Академіи епископомъ Феодоромъ совершена была панихида въ сослуженіи о инспектора Академіи архимандрита Иларіона и прочаго академическаго духовенства. И послѣ того ежедневно по нѣскольку разъ у гроба покойнаго совершались академическимъ духовенствомъ панихиды. Кромѣ академическихъ панихидъ совершались панихиды духовенствомъ Виванской духовной семинаріи и Александрo-Маріинскаго дома призрѣнія, а 3-го февраля прибылъ изъ Москвы и совершилъ панихиду ученикъ покойнаго Преосвященный Анастасій; епископъ Серпуховскій. Въ тотъ же день вечеромъ при гробѣ совершена была заупокойная всенощная-парастася. Служилъ инспекторъ Академіи архимандритъ Иларіонъ вмѣстѣ съ инспекторомъ семинаріи іеромонахомъ Симеономъ и представителями посадскаго духовенства. Ко времени всенощной прибыли изъ Москвы и родственники почившаго. Утромъ 4-го февраля инспекторомъ Академіи и прочимъ сонмомъ духовенства совершень былъ выносъ тѣла почившаго въ академическій храмъ къ литургіи, которую служилъ Преосвященный епи-

скопъ Теодоръ. Это былъ первый покойникъ въ обновленномъ академическомъ храмѣ.

Во время запричастнаго стиха сказано было слѣдующее слово профессоромъ Академіи священникомъ о. Д. В. Рождественскимъ:

Слово профессора о. Д. В. Рождественскаго.

„*Всѣмъ время, и время всякой вещи подѣ небесемъ... Время молчати, и время глаголати* (Еккл. 3, 1. 7)... *Есть время молчати*: не принадлежитъ ли смерть къ числу такихъ явленій, которыя всего приличнѣе встрѣчать въ благоговѣйномъ молчаніи? Что значить слово человеческое предъ фактомъ смерти? Можетъ ли это слабое слово заглушить грозный голосъ таинственнаго, многозначительнаго и страшнаго молчанія смерти?.. Все такъ; но не въ христіанскомъ храмѣ, гдѣ мы отсюду окружены знаменіями побѣды надъ смертію, гдѣ такъ часто слышимъ о разрушеніи царства смерти чрезъ смерть, въ безмолвномъ страхѣ останавливаться предъ прахомъ безсмертнаго человѣка, возвращающимся въ землю (12, 7). Не въ стѣнахъ обители, которой вся многовѣковая слава и значеніе—въ останкахъ давно умершаго святого старца, соглашаться съ мыслью, что „и вѣрѣ могила темна“. Не въ храмѣ богословской науки поддаваться сомнѣнію въ томъ, что ожидающее христіанина за гробомъ болѣе реально и болѣе вождедѣнно для вѣрующаго, нежели все то, что признаетъ единственно достовѣрнымъ и значительнымъ для человѣка наука безвѣрія. Пусть видимъ теперь предметъ нашей вѣры *какъ бы сквозь тусклое стекло*; мы убѣждены, что познаемъ его и *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12).—Предъ нами вѣчно старый и вѣчно новый, загадочный и таинственный фактъ. Попытаемся извлечь изъ него, при свѣтѣ вѣры, нѣчто могущее служить къ общему назиданію; и да будетъ это время, когда мы собрались вокругъ гроба отшедшаго во Христвъ брата нашего, *время глаголати*.

Всему свое время.; *есть время плакати* (Еккл. 3, 4). Бываютъ случаи такихъ смертей, когда безутѣшна скорбь близкихъ умершаго, когда безысходная тоска ихъ граничитъ съ отчаяніемъ; когда замираетъ на языкѣ слово утѣшенія, когда замолкаютъ и краснорѣчивѣйшія уста. Св. Царь и

Псалмопѣвецъ Давидъ, составившій высоко-поэтическую плачевную пѣснь на смерть своего доблестнаго друга; послѣ ужасной смерти преступнаго и несчастнаго сына, отъ безутѣшной скорби, какъ бы совсѣмъ лишился дара слова и, не слушая утѣшающихъ, повторялъ одно: *Авссаломе, сыне мой, сыне мой, сыне мой Авссаломе!*. (2 Цар. 18, 33; 19, 4)... Мы окружаемъ гробъ вѣрующаго христіанина, умершаго непостыдною кончиною; неумѣстна, слѣдовательно, безутѣшная скорбь. Нѣтъ мѣста и для горькихъ жалобъ и ропота, которыя обычны при погребеніи тѣхъ, кто готовился только вступить въ жизнь и отцвѣлъ, не успѣвъ расцвѣсти; у гроба того, кто умираетъ, оставляя безъ опоры безпомощную старость или малолѣтнихъ дѣтей безъ пріюта и нравственнаго руководства. Мы при гробѣ почившаго въ старости доброй, послѣ долгой трудовой жизни на пользу духовнаго просвѣщенія и христіанской благотворительности, не оставляющаго малолѣтнихъ дѣтей, безпріютныхъ сиротъ. Но все же настоящее время—время общей нашей скорби; и будемъ скорбѣть,—конечно, не такъ, какъ *прочіи не имущіи упованія* (1 Фесс. 4, 13). Почившій умеръ, мы знаемъ, въ возрастѣ почтенномъ, но не преклонномъ; не въ тѣхъ лѣтахъ, которыя поэтически изображаются въ книгѣ Екклесіаста: когда для всѣхъ становится яснымъ, что пора человѣку отойти въ вѣчный домъ свой, пора плакальщицамъ быть наготовѣ, чтобы окружить гробъ его на улицѣ (12, 5). Дѣятельный и трудолюбивый во дни своей юности и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, покойный Петръ Ивановичъ и въ старости продолжалъ трудиться; нужно было желать и можно было надѣяться, что и впредь немало дѣтъ онъ могъ быть полезнымъ дѣятелемъ общества. Мы имѣемъ, слѣдовательно, основаніе скорбѣть о томъ, что рано—выражаясь словами Екклесіаста—*порвалась серебряная цѣпочка*—нить его многополезной жизни; рано *разломалась золотая лампада* ¹⁾, заключавшая источникъ жизненнаго тепла и свѣта (ст. 6). Пусть смерть почившаго не поставитъ въ затруднительное до безвыходности матеріальное положеніе его близкихъ; но

¹⁾ Въ Сив. пер.: *доколт... не разорвалась золотая повязка*; Вѣнск. перев. ближе къ масор. т., гдѣ употреблено קֶבֶד (ср. Зах. 4, 2—3). См. объясненіе этого стиха у проф. *Мышцына* въ „Толковой Библии“.

какъ мы можемъ оцѣнить, что теряетъ въ немъ его семейство, какъ въ умудренномъ жизнѣ руководителѣ, любвеобильномъ и многоопытномъ главѣ семейства? Эта потеря, нужно полагать, невознагражима; и время для членовъ осиротѣвшаго семейства скорбѣть и печалиться, а намъ всѣмъ раздѣлять съ ними скорбь, плакать съ плачущими (Рим. 12, 15)...

Всему свое время...; время гумирать—сказалъ тотъ же премудрый Екклесіастъ (3, 2). Если имѣть въ виду то, что *Господь создалъ человека изъ земли, и опять возвращаетъ его въ нее*, назначивъ каждому *опредѣленное число дней* (Сир. 17, 1—2), то всякая смерть—и въ младенчествѣ и въ преклонной старости—одинаково благовременна. Съ другой стороны, всякая смерть безвременна—въ томъ смыслѣ, что самый фактъ ея противорѣчитъ первоначальному назначенію человека, созданнаго Творцомъ *въ нестлѣніе* (Прем. 2, 23). Не буду касаться вопроса о благовременности смерти вообще въ одномъ смыслѣ и безвременности ея въ другомъ. Скажу нѣсколько словъ примѣнительно къ данному случаю, рассуждая такъ, какъ прилично члену той ученой семьи, къ которой принадлежалъ покойный, какъ ученику при гробѣ учителя. Покойный профессоръ, въ одинъ знаменательный день своей жизни, говорилъ депутаціи отъ студентовъ, его слушателей: „для учителя самая дорогая награда любовь учениковъ къ нему, память о немъ, благодарность ему за уроки“. ¹⁾ Отдавая долгъ признательности почившему наставнику только теперь,—ничѣмъ, кажется, не воздавъ ему благодарности при его жизни; не могу не выразить сожалѣнія о томъ, что смерть отняла его у насъ, по человѣческому, по крайней мѣрѣ, разсужденію, неблагоприятно. Въ настоящемъ году Академія празднуетъ свой столѣтній юбилей; наступаетъ время выясненія и опредѣленія того значенія, какое имѣла Академія за свою столѣтнюю жизнь, какъ расадникъ высшаго богословскаго образованія; естественно, что это время будетъ временемъ радости и ликования для всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ честь принадлежать къ числу дѣятелей Академіи. Для почившаго готовилось почетное мѣсто на предстоящемъ празднествѣ просвѣщенія.

¹⁾ Богосл. Вѣстникъ 1895 г., I, 426.

Ему отраднo было бы принять участіе въ немъ; такъ какъ, и устранившись отъ постояннаго и непосредственнаго участія въ дѣятельности Академіи, онъ продолжалъ жить интересами того учрежденія, которому отдалъ свои силы. Но увы! Тѣ, которые сравнительно менѣе послужили Академіи или только положили начало служенія ей, будутъ участниками готовящагося торжества; а мѣсто полувѣкового свидѣтеля жизни Академіи, многолѣтняго ея дѣятеля, носителя и хранителя ея давнихъ завѣтовъ и традицій будетъ пусто; тому, кто въ годъ пятидесятилѣтняго юбилея Академіи вступилъ въ нее въ качествѣ студента, не придется, въ качествѣ заслуженнаго профессора и почетнаго члена ея, присутствовать на торжествѣ ея столѣтняго юбилея. Смерть его въ этомъ смыслѣ неблагоприятна, и мы скорбимъ за него и за себя. Въ данномъ случаѣ оправдывается изреченіе, приведенное въ одной изъ бесѣдъ Господа Иисуса Христа: *одинъ сплетъ, а другой жнетъ. Я послалъ васъ—говорилъ Христосъ ученикамъ — жать то, надъ чѣмъ вы не трудились; другіе трудились, а вы вошли въ трудъ ихъ* (Іоан. 4, 37—38). Съ юбилейнымъ торжествомъ Академіи неразрывно соединяется подведеніе итоговъ ея дѣятельности, опредѣленіе обильности возвращенныхъ за столѣтіе плодовъ. И вотъ тѣ, кто долѣе и, быть можетъ, съ большимъ усердіемъ съяли на нивѣ духовной, не имѣютъ утѣшенія видѣть результатовъ своихъ трудовъ и открытой оцѣнки ихъ дѣятельности; радость же трудившихся короткое время и положившихъ менѣе труда будетъ совершенною (Іоан. 15, 11): труды предшественниковъ будутъ какъ бы усвоены ихъ преемниками. На первый взглядъ, здѣсь кроется какая то роковая несправедливость, замѣчается несоотвѣтствіе труда и вознагражденія. Но такое предположеніе справедливо только по отношенію къ обычнымъ трудамъ земледѣльцевъ. По замѣчашю Златоуста на приведенное мѣсто изъ бесѣды Господа, „въ дѣлахъ чувственныхъ, еслибы случилось, что одинъ посѣялъ, а другой пожалъ, то оба они вмѣстѣ не стали бы радоваться; но съявшій скорбѣлъ бы, что трудился для другихъ, а радовался бы только жнущій“. ¹⁾ А Господь въ той же бесѣдѣ сказалъ: *жнущій получаетъ награбу*

¹⁾ Творенія... въ русск. перев. т. VIII, кн. I, С.-Петербургъ. 1902. Стр. 221

и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную, такъ что и стѣющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ (ст. 36). Будемъ вѣровать, что и почившій, какъ сѣятель для жизни вѣчной, сподобится радости собирающаго плодъ; такъ какъ вѣримъ, что не для всего, сдѣланнаго на землѣ, настанетъ конецъ со смертью человѣка, или вѣрнѣе—ничто не остается безъ послѣдствій для вѣчности. „Святелями были пророки, но они сами не жали, а апостолы; однако не лишены за это радости и награды за труды“—разсуждаетъ св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ толкованіи бесѣды Господа. И по св. Кириллу Алекс., Господь „утверждаетъ, что апостолы вошли въ труды святыхъ пророковъ, не позволяя пренебрегать славою предшественниковъ, а напротивъ того—убѣждая почитать ихъ, какъ предварившихъ трудомъ и временемъ“. ¹⁾ *Всѣ сии—говоритъ св. Апостолъ Павелъ о патріархахъ—умерли въ вѣрѣ, не получивши обѣтованій, а только издали видѣли оныя и радовались* (Евр. 11, 13).

Итакъ, опредѣлено Божественною волею раздѣлять судьбу патріарховъ и пророковъ и дѣятелямъ на нивѣ духовнаго просвѣщенія, однимъ изъ каковыхъ является почившій профессоръ. Кости этого труженника науки, прослужившаго на пользу Академіи не только положенное немалое число лѣтъ, но и сверхъ положеннаго, полагаются теперь въ основаніе дальнѣйшей жизни Академіи во второе ея столѣтіе. Нашему ожиданію встрѣтить его на академическомъ торжествѣ не суждено осуществиться. Но да сподобится онъ услышать приглашеніе войти въ радость Господа своего, какъ добрый и вѣрный рабъ (Мѣ. 25, 21)!..

Дѣятельность покойнаго Петра Ивановича никто бы не назвалъ кипучею; это была спокойная, увѣренная и плодотворная работа—человѣка трудолюбиваго, сознающаго свой долгъ, скромнаго и чуждаго самомнѣнія. Всякая страстность и задоръ, борьба и вражда несвойственны были его спокойной, уравновѣшенной и благородной натурѣ. Но такая настроенность не мѣшала ему продолжать трудиться до самой смерти и послѣ того, какъ онъ многолѣтнею службою въ Академіи приобрѣлъ себѣ неоспоримое право на полный отдыхъ,—трудиться въ званіи члена Совѣта Александрo-Ма-

¹⁾ Творенія ч. XII. Св.-Тр. Сергіева Лавра. 1901. Стр. 309.

ринскаго Дома Призрѣнія. Онъ помнилъ слова Премудраго: *утромъ съй стѣя твое и вечеромъ не давай отдыха рукъ твоихъ* (Еккл. 11, 6). При наблюденіи, насколько это было доступно, надъ жизнью почившаго, полною простоты и священной важности, всегда невольно думалось, что онъ уяснилъ себѣ то, что для другихъ еще неясно и сомнительно; что онъ воспринялъ всѣмъ своимъ существомъ важную и необходимую для христіанскаго ученаго истину, что онъ стоитъ на незыблемомъ камнѣ вѣры. Всегда казалось, что, наблюдая неизбежныя въ жизни столкновенія и распри, нестроенія и тревоженія, нерѣдко на взглядъ другихъ имѣющія рѣшительное значеніе, грозныя и всеразрушающія, онъ произнесъ спокойно и увѣренно: *это—небольшое облако, и оно скоро пройдетъ.* ¹⁾ Вѣримъ что, и проходя долиною смертной тѣни, онъ не убоится зла (Пс. 22, 4)...

Незабвенный наставникъ! Днямъ доброй жизни твоей опредѣлилось число; да пребудетъ имя твое во-вѣкъ (Сир. 41, 16)! Да запечатлѣется свѣтлый обликъ твой на страницахъ академической лѣтописи! Пусть никогда не изглаживается онъ изъ сердецъ твоихъ слушателей и сослуживцевъ, всѣхъ знавшихъ и любившихъ тебя! Мы возвращаемъ *прахъ* твой въ землю, *чѣмъ онъ и былъ*; наши горячія молитвы сопутствуютъ духу твоему, возвращающемуся къ Богу, *Который далъ его* (Еккл. 12, 6)“.

По окончаніи литургіи передъ отпѣваніемъ при гробѣ сказана была рѣчь профессоромъ С. С. Глаголевымъ.

Рѣчь профессора С. С. Глаголева.

„Послѣдніе годы были годами траура для Академіи. Одни за другими сходили въ могилу ея бывшіе и дѣйствительные наставники. Умерли Василій Осиповичъ Ключевскій, Александръ Петровичъ Голубцовъ, Василій Петровичъ Лучининъ, Евгеній Евсигнѣвичъ Голубинскій, Петръ Ивановичъ Казанскій, Алексѣй Ивановичъ Введенскій. Почившій П. И—чъ, съ которымъ мы нынѣ прощаемся на вѣки, заключилъ собою седмерицу академическихъ покойниковъ.

¹⁾ Слова св. Аванасія, изгнаннаго изъ Александріи по повелѣнію императора Юліана. Творен. св. Аванасія ч. I. Св.-Гр. Сергіева Лавра. 1902. Жизнь св. Аванасія Вел. Стр. 107.

Академія хочеть праздновать столѣтіе своего существованія. Это—торжество жизни. Но какъ въ напѣмъ обычномъ порядкѣ первооктябрьскому празднику академической жизни и дѣятельности мы всегда предпосылаемъ молитву о ея почившихъ дѣятеляхъ, такъ сама дѣйствительность три послѣдніе года намъ радующимся жизненной устойчивости Академіи сурово и строго постоянно напоминала о смерти.

Смерть отрывала одну за другою вѣтви академическаго дерева, нанося раны самому дереву, и мы его образующіе болѣли и скорбѣли. Каждую оторванною вѣтвь отъ насъ отнималось много дорогого и цѣннаго. Съ каждымъ умершимъ мы какъ бы хоронили часть самихъ себя. Вѣдь съ этими умершими связано наше прошлое, и мы какъ бы отчасти хоронили это прошлое, опуская въ могилу того, съ кѣмъ вмѣстѣ его переживали.

Мы провожаемъ почившаго Петра Ивановича въ послѣдній невозвратный путь. Онъ былъ питомцемъ старой и профессоромъ новой Академіи, учился въ Академіи дореформенной, училъ въ Академіи реформированной. Въ лицѣ его мы еще какъ бы связывались живою связью съ завѣтами старой Академіи, его смерть колеблетъ эту живую связь.

Но если этою смертію колеблется живая связь съ старыми завѣтами, то самая эта смерть настойчиво заставляетъ вспоминать о нихъ. Почившій былъ живымъ воплощеніемъ добрыхъ завѣтовъ старой высшей школы. Въ старомъ, какъ и въ новомъ, было хорошее и дурное, но кто захотѣлъ бы судить о старомъ по Петръ Ивановичъ тотъ долженъ бы былъ признать, что старое было хорошимъ.

Въ Петръ Ивановичъ наиболѣе ярко и выпукло выступаетъ черта профессоровъ старой школы—умѣнье сохранять свое достоинство. Секретъ этого умѣнья состоитъ въ томъ чтобы никогда не оскорблять ничего достоинства. Если я пытаюсь кого-нибудь унижить, чрезъ это самое падаю я самъ. Каждый, вступавшій въ сношенія съ покойнымъ, можетъ засвидѣтельствовать о его деликатности, о его уваженіи къ достоинству всякаго, кто къ нему обращался. Не могу допустить и представить себѣ, чтобы его голосъ когда-нибудь возвысился при возмущеніи чѣими-либо дѣйствіями. По отношенію къ студентамъ онъ былъ воплощенная вѣжливость. Никогда

онъ не позволилъ себѣ задѣть юношескаго самолюбія, да и ничьего самолюбія онъ никогда не задѣвалъ.

Я думаю, что для всѣхъ онъ былъ воплощеніемъ того, что на житейскомъ языкѣ называется *корректностью*.

Но корректность—вышнее свойство. Она не раскрываетъ внутренняго содержанія человѣка. Внутреннее содержаніе открывается въ дѣлахъ. Дѣла П. И.—ча свидѣтельствовали о его гуманности, добротѣ, отзывчивости на добрыя начинанія. Изъ многого теперь припомню одинъ случай. Дѣло было много лѣтъ тому назадъ. Было июньское засѣданіе академическаго совѣта. Рѣшалась судьба одного студента. Были у этого студента прегрѣшенія, которыя при подведеніи ихъ подъ букву совѣтскихъ постановленій, грозили совершенно аннулировать его пребываніе въ Академіи. Съ другой стороны всѣ видѣли, что студентъ этотъ вовсе не безнадежный человѣкъ и что было бы и жестокимъ и нецѣлесообразнымъ руководиться въ данномъ случаѣ силою буквы. И бились мы между буквою и человѣкомъ. И вотъ, Петръ Ивановичъ сказалъ: „простить“. И насъ всѣхъ ослѣпило: какъ же мы не можемъ выпутаться изъ сѣтей, сплетенныхъ нами же созданною буквою? И совѣтъ простилъ. И вышелъ изъ студента способный, трудолюбивый и полезный человѣкъ.

Петръ Ивановичъ былъ добрый человѣкъ. Но доброты, скажу, не можетъ развить никакая школа, доброту въ себѣ можетъ развить лишь самъ человѣкъ.

Но если отъ этого личнаго свойства обратиться опять къ отыскиванію тѣхъ, которыя связываютъ Петра Ивановича съ воспитавшею его школою, то, думается, должно сказать о его способности терпѣнія. Люди новаго поколѣнія не обнаруживаютъ этой способности. Они слишкомъ быстро и нервно реагируютъ на то, что происходитъ вокругъ и особенно на то, что происходитъ съ ними. Петръ Ивановичъ въ этомъ отношеніи не походилъ на новыхъ людей. Ему, какъ можетъ быть и каждому изъ насъ, приходилось переживать и тяжелые дни. Помню я, какъ у него создались такіе дни. Они создались для него людьми, къ которымъ онъ относился сочувственно и на которыхъ смотрѣлъ съ надеждою, которые и сами въ душѣ, думаю, уважали и любили его, но вслѣдствіе того, что слишкомъ быстро и нервно реагиро-

вали на событія, причинили ему огорченіе. Кто ходилъ въ эти печальные октябрьскіе дни въ троицкій соборъ къ литургіи, тотъ встрѣчалъ его тамъ скромно и усердно молящимся. Смиренной и усиленной молитвой отвѣтилъ онъ на причиненное ему огорченіе. Нужна великая сила терпѣнія, чтобы поступать такъ.

Петръ Ивановичъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. Но безконечная сила величія христіанства заключается между прочимъ въ томъ, что оно допускаетъ воздѣйствіе на человѣка всякихъ добрыхъ силъ хотя бы онѣ шли и не отъ христіанства. Специальнымъ занятіемъ Петра Ивановича былъ классицизмъ, и онъ воспринялъ изъ античнаго міра то, что было въ немъ добраго. Я поступилъ въ Академію въ 1885 г. Въ этомъ году Петръ Ивановичъ читалъ рѣчь на актѣ 1-го октября: „мысли Горация о поэзіи въ его посланіи къ Цизонамъ“. Онъ поразилъ меня своимъ спокойствіемъ, уравновѣшенностью обдуманностью выраженій, отчетливостью дикціи. Я подумалъ, что таковы должны были быть классическіе ораторы. Я слушалъ у него латинскій языкъ три года, и всегда не только предметъ его чтеній, но и его видъ и его способъ изложенія переносили меня въ классическій міръ.

Можетъ быть любовь къ античной поэзіи у Петра Ивановича отразилась и въ томъ, что онъ—православный богословъ—переводилъ христіанскихъ писателей-поэтовъ. Занимаясь специально Климентомъ Авреліемъ Пруденціемъ, онъ перевелъ на русскій языкъ гимны Пруденція. Перевелъ онъ на русскій языкъ пѣсни Романа сладкопѣвца. Въ этихъ его переводахъ сказались и эстетическія свойства его натуры.

Полвѣка съ небольшими перерывами прожилъ онъ около лавры преподобнаго Сергія. Въ 1864 г. (годъ вступленія его въ Академію) академія праздновала полвѣка своего существованія, а теперь собирается праздновать столѣтній юбилей. Служилъ онъ наукѣ, Академіи, служилъ онъ и шире дѣлу просвѣщенія. Пока онъ жилъ, Сергіевъ посадъ разрастался, поднималось въ немъ и просвѣщеніе, и обзорѣвая прошлое, я вижу, что у колыбели большей части посадскихъ учебныхъ заведеній былъ Петръ Ивановичъ. Зарождается мужская прогимназія, теперь ужъ давно ставшая гимназіею, Петръ Ивановичъ преподаетъ тамъ. Возникаетъ женская школа

впослѣдствіи тоже ставшая гимназією, Петръ Ивановичъ учить тамъ.

Имѣется у насъ Маріинскій домъ призрѣнія съ школою для дѣтей и тамъ служитъ Петръ Ивановичъ.

Наконецъ въ самомъ домѣ Петра Ивановича совокупною дѣятельностью всей его семьи конечно при его главномъ руководствѣ создается школа, общающаяся съ женскою гимназією. Воспитаніе и обученіе дѣтей привлекало его.

О немъ можно сказать, что онъ служилъ тѣмъ поколѣніямъ, которымъ принадлежитъ будущее. Такое служеніе—одно изъ самыхъ безкорыстныхъ. Результаты воспитательныхъ и учебныхъ занятій въ концѣ концовъ сказываются тогда, когда воспитывающаго и учащаго на землѣ нѣтъ болѣе. Самоотверженно и благородно служилъ Петръ Ивановичъ христіанскому воспитанію юныхъ душъ. Такое воспитаніе имѣетъ своею задачею наша школа. Въ выполненіи ея будемъ подражать почившему. А теперь помолимся Господу, да проститъ Онъ прегрѣшенія почившаго и да наградитъ его за его труды“.

Отпѣваніе совершено было Преосвященныхъ епископомъ Θεодоромъ съ большимъ сонмомъ священнослужителей, а по окончаніи отпѣванія гробъ съ останками почившаго въ сопровожденіи духовенства во главѣ съ о. инспекторомъ Академіи отнесенъ былъ на посадское Кукуевское кладбище къ мѣсту вѣчнаго упокоенія.

II.

Годичное поминовеніе проф. А. И. Введенскаго.

23 февраля исполнился годъ со дня смерти профессора Академіи Алексѣя Ивановича Введенскаго, но и годичный срокъ недостаточенъ для того, чтобы успокоиться отъ понесенной Академіей вознагражденіемъ потеря. Нельзя было не помолиться въ этотъ день на могилѣ безвременно почившаго, 23 февраля совпало съ недѣлей православія, а потому заупокойное богослуженіе было перенесено на 24-ое. Въ этотъ день литургію въ храмѣ Московскаго Мусскаго кладбища, гдѣ похороненъ А. И., служилъ Преосвященный ректоръ Академіи епископъ Θεодоръ вмѣстѣ съ инспекторомъ архим. Иларіономъ, профессоромъ свящ. о. Д. В. Рождественскимъ, прич-

томъ кладбищенской церкви и нѣкоторыми изъ академическаго духовенства. На панихиду же вышелъ большой сонмъ академическаго и московскаго духовенства. Здѣсь были, кромѣ служившихъ литургію, синодальный ризничій о. архим. Димитрій, профессоръ свящ. о. В. Н. Страховъ, о. Ѡ. І. Введенскій, о. П. И. Архангельскій и мн. др. Панихида была закончена литіей на самой могилѣ покойнаго, которая находится у самой церковной стѣны. Литургію и панихиду пѣлъ хоръ академическихъ пѣвчихъ.

Во время литургіи сказана была рѣчь доцентомъ Академіи А. В. Ремезовымъ.

Рѣчь доцента А. В. Ремезова.

Аще пророчества упразднятся: аще ли языцы умолкнутъ: аще разумъ испразднится,—любви николи же отпадаетъ (1 Кор. 13, 8), зане крѣпка яко смерть любви (Пѣснь Пѣси. 8, 6) и даже крѣпче смерти:

вода многа не можетъ угасити любви и рѣки не потопятъ ея (8, 7).

„И вотъ перекатилась первая волна въ неудержимомъ потоцѣ времени: миновалъ годъ, какъ со слезами растались мы съ дорогимъ наставникомъ нашимъ... Пусть—не великъ этотъ промежутокъ времени, но все же теперь мы имѣемъ возможность оглянуться, видѣть себя и ту жизнь, непосредственное участіе въ которой принималъ покойный Алексѣй Ивановичъ,—жизнь духовной Академіи, уже безъ него. И думается, что, если сегодня мы пришли къ дорогой могилѣ еще разъ помолиться о упокоеніи души отъ насъ представляющагося, то это уже—маленькая побѣда надъ жестокимъ временемъ, стирающимъ даже глубокія надписи каменныхъ плитъ, и побѣда именно во имя любви.

Вѣдь самый фактъ молитвы объ умершемъ свое исключительное основаніе имѣетъ въ единствѣ любви, связующей церковь земную съ церковью небесной, ибо что другое, кромѣ любви, способно преодолѣть ту какъ будто непреходимую грань, которая отдѣляетъ насъ отъ потусторонняго міра?

Упразднилось пророчество: не звучитъ въ аудиторіи спокойно проникновенный, властно поучающій голосъ.

Умолкли языцы: не услышимъ удивительныхъ прозрѣній тайныхъ глубинъ жизни.

Испразднился разумъ: не дождемся уже новыхъ изысканій мощной мысли покойнаго. Здѣсь смерть рѣшительно и окончательно положила холодную печать свою. И только никогда не перестающая любовь продолжаетъ связывать насъ.

Однако, думается, эта любовь — не наша: она дѣйствуетъ въ насъ, но не происходитъ отъ насъ. Она выработана въ горнилѣ высокихъ переживаній мощнаго духа покойнаго. И развѣ наша заслуга въ томъ, что мы становимся причастниками ея, если она находитъ себѣ отзвукъ и въ нашемъ сердцѣ?

Не только здѣсь, при этомъ торжественномъ богослуженіи, ощущается вѣяніе любви, но и тамъ, въ типично академическихъ келіяхъ, гдѣ изучаются сочиненія покойнаго Алексѣя Ивановича, гдѣ усваиваются его мысли, тамъ открывается высокое ихъ свойство.

Около пяти лѣтъ тому назадъ, когда одинъ юноша колебался въ выборѣ Академіи, ему посовѣтовали:

— Если васъ интересуеетъ современная христіанская мысль, если вы вѣрите въ вѣрующій разумъ, идите въ Московскую Академію: тамъ читаетъ Алексѣй Ивановичъ Введенскій.

Въ текущемъ академическомъ году въ нашу Академію вступило новое поколѣніе студентовъ: оно уже не могло рассчитывать слушать здѣсь Алексѣя Ивановича. И вотъ на немъ то и можно наблюдать посмертное вліяніе покойнаго.

Одинъ студентъ перваго курса, читая безсмертныя сочиненія Алексѣя Ивановича, до того умилился высотой его мысли, что осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и молитвенно произнесъ:

— Упокой, Господи, душу раба Твоего Алексія!

Холодная мысль, такъ называемый чистый, теоретическій разумъ не въ силахъ вызвать въ душѣ такого движенія, такого высокаго порыва. Только мысль, сначала до конца пропитанная любовью, согрѣтая высокими чувствами, способна на это. Пусть это — не теоретически чистая мысль, но есть свойство выше: это — ея святость.

Пусть мы не слышимъ теперь лекцій Алексѣя Ивановича: у насъ остались его обвѣянные любовью сочиненія.

Пусть не видимъ среди насъ его величественной фигуры: духъ его вмѣстѣ съ духомъ его знаменитыхъ предшественниковъ витаетъ въ стѣнахъ Академіи. И до тѣхъ поръ, пока Московская Академія будетъ оставаться вѣрной себѣ, ея имя останется неразрывно связаннымъ съ именемъ Алексѣя Ивановича.

Это—не то, что называется вплетеннымъ въ вѣнокъ, это—не золотая надпись на страницахъ исторіи,—золотыя буквы, какъ и всякій металлъ, холодны,—нѣтъ, это—настоящее переживание: обвѣянная любовью сила мысли звучитъ непрестанно. Это—печать на самой вѣчности.

Вотъ почему о мысли Алексѣя Ивановича можно сказать, какъ о самой любви:

— *Положи мя яко печать на сердце твоемъ, яко печать на мышцу твоей!* (Пѣснь Пѣсн. 8, 6).

И вѣчная память Алексѣю Ивановичу, которая изъ года въ годъ будетъ раздаваться надъ этой могилой, будетъ не только молитвой по усопшемъ, но вмѣстѣ и гимномъ Московской Академіи, символомъ ея освященной любовью мысли.“

III

Посѣщеніе Академіи В. Г. Фріеромъ.

11—13 марта Академію посѣщаль учевый англиканскій священникъ, докторъ богословія, членъ монашеской общины „Воскресенія“ въ Мирфильдѣ В. Г. Фріеръ (W. H. Frege). О. Фріеръ прибылъ въ С. Петербургъ по приглашенію общества единенія церквей и читалъ въ С. Петербургѣ четыре лекціи-доклада о современномъ положеніи англиканства. 11 марта англійскій гость прибылъ въ Троице-Сергіеву Лавру. Въ качествѣ переводчика его сопровождалъ лекторъ англійскаго языка, въ Академіи свящ. Н. А. Преображенскій. Въ тотъ же день о. Фріеръ посѣтилъ Преосвященнаго ректора Академіи и о. инспектора. Въ квартирѣ послѣдняго собралось нѣсколько профессоровъ и студентовъ Академіи. Между гостемъ и присутствующими завязалась продолжительная бесѣда, при томъ сразу на трехъ языкахъ, такъ какъ о. Фріеръ, кромѣ англійскаго языка, говоритъ по-нѣмецки и немного по-русски. Присутствовавшіе студенты попросили гостя перенести бесѣду въ болѣе обширную ауди-

торію, на что онъ охотно согласился. Въ 9 часовъ вечера въ переполненной студентами аудиторіи о. Фріеръ черезъ переводчика сдѣлалъ интересное сообщеніе о строе англіійскихъ школъ, подготовляющихъ къ духовному званію. Несмотря на то, что сообщеніе велось черезъ переводчика, оно было весьма интересно и оживленно. По окончаніи лекціи доклада о. Фріеру многіе изъ студентовъ задавали вопросы, касающіеся жизни англіійской школы, англіійской церкви, взаимоотношенія церкви и государства въ Англіи и т. под. На всѣ эти вопросы о. Фріеръ давалъ любезно отвѣты. Дружными и долго не смолкавшими апплодисментами студенты уже въ 11 часовъ вечера проводили любезнаго гостя изъ аудиторіи и цѣлой толпой сопровождали его до дверей Академіи.

Утромъ 12-го марта о. Фріеръ снова пожаловалъ въ Академію. Въ сопровожденіи о. инспектора онъ посѣтилъ нѣсколько студенческихъ комнатъ, интересовался строемъ академическаго общежитія и студенческими занятіями. Въ одной изъ студенческихъ комнатъ гость любезно снялся со студентами на фотографической карточкѣ. Послѣ этого о. Фріеръ посѣтилъ лекцію по предмету Священнаго Писанія Новаго Завѣта, которую читалъ студентамъ третьяго курса проф. о. архим. Иларіонъ. По окончаніи лекціи о. Фріеръ сказалъ, что содержаніе лекціи онъ повялъ, и выразилъ свое полное удовольствіе по поводу того, что слышалъ на лекціи объ ученыхъ трудахъ своихъ соотечественниковъ (Лекція была объ евангеліи Луки и въ ней между прочимъ передавалось содержаніе англіійскихъ ученыхъ трудовъ— *Hobart. The medical language of St. Luke. A proof from internal evidence that „the Gospel according to St. Luke“ and „the Acts of the apostles“ were written by the same person, and that the writer was a medical man. Dublin 1882. и Alfred Plummer. A critical and exegetical commentary on the Gospel according to St. Luke. Edinburgh 1898*). Послѣ лекціи о. Фріеръ на хорахъ академическаго храма присутствовалъ во время совершенія литургіи преждеосвященныхъ даровъ.

13-го марта англіійскій ученый литургистъ провелъ нѣсколько часовъ въ академической бібліотекѣ, разсматривая славянскія богослужебныя книги, преимущественно чиновники архіерейскаго служенія, а послѣ этого, сдѣлавъ визиты

Преосвященному ректору и о. инспектору, простился съ Академіей.

На всѣхъ ближе съ нимъ познакомившихся въ Академіи о. Фріеръ произвелъ самое доброе впечатлѣніе. Монашеская простота и смиреніе въ немъ прекрасно сочетались съ воспитанностью настоящаго англійскаго джентльмена.

Т.
